

О СКАЛѢ ПЕТРОВОЙ*).

(Нѣсколько замѣчаній по поводу идей Д. Мережковскаго).

Д. С. Мережковскій говоритъ о христіанствѣ «со Скалы сходящемъ». Сходитъ со Скалы — это, по его мнѣнію, идти по линіи наибольшаго сопротивленія. «Пусть я говорю не такъ, какъ надо, не то, что надо; но я говорю не то, что всѣ. Вообще христіанство, со Скалы сходящее, и, особенно, невидимая часть христіанскаго спектра — Троица, Тайна Трехъ — и есть сейчасъ линія наибольшаго сопротивленія.»**)

Христіанство, на Скалѣ стоящее, на Скалѣ, Христомъ избранной, тоже избираетъ линію наибольшаго сопротивленія, ибо оно знаетъ, что широкая дорога въ адъ ведетъ. Но сойти со Скалы, значитъ лишиться твердой, непоколебимой увѣренности въ побѣдѣ и торжествѣ дѣла Христа. Какимъ уныніемъ и какимъ томленіемъ духа вѣсть отъ словъ Д. С. Мережковскаго! «Я хорошо понимаю, что сейчасъ подъ ногами того, кто говоритъ, какъ я говорю, земля проваливается, если только онъ не стоитъ на той Скалѣ (Церкви), о которой сказано, что «врата адовы не одолѣютъ ее». Я не стою на Ней или не всегда стою. Для стоящихъ на Ней уже безразлично, что земля проваливается и міръ погибаетъ. «Царство мое не отъ міра сего», какъ именно поняты эти слова на Скалѣ. Я ихъ не такъ понимаю: для меня не безразлично, что міръ погибаетъ. Я знаю, что нѣтъ иной Скалы и что стоящіе на Ней спасутся, но также знаю, что та-

кимъ, какъ я, нельзя иначе спастись, какъ съ погибающимъ міромъ.»*)

Сойдя со Скалы, писатель упалъ въ бездну сомнѣнія и отчаянія. И, глядя изъ этой бездны на землю, на міръ, и на христіанство, на Скалѣ стоящее, онъ все видитъ въ мрачномъ невѣрномъ освѣщеніи. Прежде всего, абсолютно невѣрно, что для стоящихъ на Скалѣ безразлично, что «земля проваливается и міръ погибаетъ». Они не допускаютъ мысли, что міръ погибаетъ, ибо твердо вѣрятъ въ его спасеніе. Папа посылаетъ свое благословеніе *ubi et ubi* всему міру и молится о спасеніи всѣхъ людей, а съ нимъ молятся всѣ христіане, на Скалѣ стоящіе, и не только молятся, но и дѣйствіемъ стараются спасти тѣхъ, кто не стоитъ на твердой Скалѣ и можетъ быть смытъ гибельными волнами.

Если бы Д. С. Мережковскій со Скалы глядѣлъ на міръ, то и Россія не казалась бы ему мертвой. «Я пишу по русски, а Россіи нѣтъ... Стою надъ пропастью, куда провалилась Россія.... Россіи нѣтъ и нѣтъ для меня ничего... Россія — лицо Востока, обращенное къ Западу, лицо это недвижно, какъ мертвое, очи закрыты и уже многіе радуются, что воронъ выклевалъ ихъ».

Д. С. Мережковскій говоритъ о будущемъ воскресеніи изъ мертвыхъ Россіи, но развѣ теперь Россія мертва? Этому противорѣчитъ онъ самъ, говоря, что «въ Россіи льется сейчасъ кровь мучениковъ такъ, какъ съ первыхъ вѣковъ не лилась». Изъ мертваго кровь не льется, трупъ не страдаетъ. Россія истекаетъ кровью и страдаетъ, слѣдовательно, живетъ. Но Россія жива не только тѣмъ, что страдаетъ — она мыслить и творить. Кто видѣлъ, какъ ра-

*) Статья эта написана польскимъ католиномъ и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя мысли которыхъ редація не раздѣляетъ, но журналъ «Путь» ставитъ себѣ своей задачей знакомить съ теченіями другихъ христіанскихъ вѣроисповѣній. *Редак.*

***) Д. С. Мережковскій. Тайна Трехъ., стр. 8.

*) Д. С. Мережковскій. «Тайна Трехъ» Стр. 8.

ботають и творять русскіе ученые и писатели, питаюсь горькимъ хлѣбомъ изгнанія — тотъ никогда не повѣритъ, что Россія умерла. Россія сейчасъ — въ этихъ избранныхъ сынахъ своихъ, какъ Польша жила въ сынахъ своихъ изгнанникахъ и вѣщихъ поэтахъ своихъ, Не выклевалъ воронъ русскихъ очей, они глядятъ и зорко глядятъ. И видятъ, что рѣдѣетъ мракъ ночи нависшій надъ нею. .

Сейчасъ и на Западѣ не такъ ужъ темно, какъ кажется Д. С. Мережковскому. Западъ, чего не видитъ Д. С. Мережковский, переживаетъ сейчасъ новый подъемъ религіознаго чувства. Католичество растетъ и вглубь и вширь. Правда съ другой стороны и сила Зла растетъ. И мерзость омерзительнѣй становится. Въ этомъ сознаніи усиливающагося въ мірѣ зла съ русскимъ писателемъ сходится итальянскій писатель Папини.*) Въ своей книгѣ о Христѣ, недавній атеистъ, теперь обращенный, Папини восклицаетъ: «Никогда омерзение не было такъ омерзительно, какъ теперь, никогда позоръ не былъ такимъ позорнымъ. Земля стала адомъ, освѣщаемымъ снисходительнымъ солнцемъ. Въ этомъ зараженномъ болотѣ всѣ вѣрованія разлагаются и умираютъ; одна религія Маммоны торжествуетъ... Царство Сатаны достигло нынѣ своего полнаго развитія».

Но это сознаніе торжествующаго Зла въ мірѣ обостряется именно въ моменты, когда проходитъ постыдное равнодушіе ко злу и близится рѣшительная схватка съ нимъ. Ночь равнодушія, въ которой уснулъ невѣрующій девятнадцатый вѣкъ, уже проходитъ. Въ брежущемъ свѣтѣ близящагося дня рѣзче вырисовывается противорѣчія Зла и Добра. Близится день рѣшительной битвы Сыновъ Божіихъ съ Исчадіями Сатаны. Но въ этотъ бѣй надо идти не съ предчувствіемъ возможной гибели, а съ твердой вѣрой въ побѣду, которая заставляла польскаго поэта Красинскаго въ самые мрачные для Польши дни, въ радостномъ предчувствіи грядущаго дня, восклицать: «Аллилуія! Мошь Сатаны, что мнилъ себя властелиномъ земли, сломлена здѣсь на землѣ!» Но для того, чтобы имѣть эту вѣру, надо стоять на Скалѣ и помнить, слова Спасителя: «Мужайтесь, Я побѣдилъ міръ» (Ев. отъ I. 17, 33.)

Сходя со Скалы, Мережковский не порываетъ связи со своей Церковью — Церковью — Православной. Онъ тутъ же въ «Тайнѣ Трехъ» провозглашаетъ ея первен-

ство передъ всѣми Церквами. Она ближе всѣхъ къ Церкви Вселенской.

«Я знаю, что и здѣсь, на темномъ Западѣ, послѣдніе дни христіане въ подземныхъ тайникахъ, въ новыхъ катакомбахъ, все еще молятся: да придетъ царствіе Твое! Можетъ быть, и здѣсь меня не поймутъ, если я скажу, отчасти какъ живой европеецъ, отчасти какъ русскій, умершій за-живо, что сейчасъ Русская Православная Церковь выше всѣхъ Церквей и ближе всѣхъ къ будущей Церкви Вселенской. Только что умеръ, какъ великій мученикъ первыхъ вѣковъ христіанства, петербургскій митрополитъ Веньяминъ. И по всей Россіи льется сейчасъ кровь мучениковъ такъ, какъ съ первыхъ вѣковъ не лилась, а вѣдь только на этой крови и сожиздится Вселенская Церковь». *)

Сейчасъ не только среди вѣрующихъ христіанъ, но и среди невѣрующихъ людей, не найдется никого, кто не сочувствовалъ бы великой трагедіи Русской Православной Церкви, кто не преклонялся бы передъ мученической судьбой ея лучшихъ пастырей. Но утвержденіе русскаго писателя, что Вселенская Церковь строится только на крови и что та церковь ближе всего къ Ней, которая больше другихъ страдаетъ, едва ли можетъ, кажется мнѣ, найти обоснованіе въ христіанскомъ ученіи. Въ этомъ утвержденіи Д. С. Мережковскаго сказался старый жертвенный уклонъ русскаго сознанія. Вѣдь даже и невѣрующая русская радикальная интеллигенція звала «въ станъ попогибающихъ за великое дѣло любви» и, отвергая въ Евангеліи все чудесное, воскресеніе изъ мертвыхъ и заповѣдь вѣчной жизни, она преклонялась предъ терновымъ вѣнцомъ Спасителя, передъ Его мученической смертью на Крестѣ. Она не видѣла того, что если бы Христосъ дѣйствительно умеръ, то вмѣстѣ съ нимъ умерло бы и ученіе Его, не видѣла, что правда Христова побѣдила міръ именно потому, что Христосъ не умеръ, а воскресъ, муку смерти принялъ, но «смертью смерть поправъ». Терновый вѣнецъ не доказательство объективной правды, ибо мученіе и смерть можно принять и за ложную вѣру, чего исторія даетъ безчисленные примѣры. Когда христіанство восторжествовало, евреи во многихъ странахъ подвергались гоненіямъ, порой, какъ, напр., въ Испаніи во время инквизиціи, и существованіе было сплошнымъ мученичествомъ. Однако отъ этого

*) «Тайна Трехъ», стр. 68.

ложь юдаизма, отвергшаго Христа, не стала праведной, а правда Христіанства не стала ложью. Среди христіанскихъ сектъ наиболѣе трагической и мученической является несомнѣнно судьба Альбигойцевъ. Они были поголовно истреблены, они всѣ пріяли смерть за свое ученіе, Однако ученіе это, бывшее воскресшимъ манихействомъ, не стало ближе къ Вселенской Христовой Церкви, ибо ученіе это, не смотря на всю кровь, за него пролитую, было забвеніемъ основныхъ истинъ христіанства. Въ то самое время, какъ во Франціи, католики истребляли гугенотовъ, англійскіе протестанты мучили и истребляли ирландскихъ католиковъ. И если мѣриломъ правды брать кровь пролитую во имя своей вѣры, то трудно рѣшить, кто былъ ближе къ Вселенской Церкви — Французскіе гугеноты или ирландскіе католики. Если вернемся теперь къ русской православной церкви, то, исходя изъ идей Д. С. Мережковского, пришлось бы утверждать, что раскольники, пріявшіе гоненіе за двуперсное сложеніе, были ближе къ Вселенской Церкви, чѣмъ обыкновенное и восторжествовавшее православіе. А еще ближе, оказалась бы, пожалуй, сектанты — самосжигатели, которыхъ такъ ярко изобразилъ Д. С. Мережковский въ своемъ «Петрѣ и Алексѣѣ».

Мученичество, принятое во имя истинной вѣры, несомнѣнно пролагаетъ пути къ ея торжеству, оно укрѣпляетъ духъ ея служителей, привлекаетъ къ гонимой вѣрѣ новыя сердца. Но для торжества *на землѣ* даже и истинной религіи недостаточно жертвенной крови. Если бы христіанство было только идеей, только ученіемъ, то для побѣды его достаточно было бы проповѣдывать его міру и смертью во имя его закрѣплять его правду. Но христіанство *не только ученіе, но и Церковь* — связь вѣрующихъ между собою и Богомъ. Это — организація жизни земной для высшей правды небесной, а для организаціи требуется уже не мученичество, не смерть, но творческая работа. Христіанинъ, по выраженію Ламенэ, долженъ умѣть сказать себѣ: «умремъ, но еще лучше будемъ жить! Ибо кто умираетъ, тотъ торжествуетъ *самъ*, но задача человѣка здѣсь на землѣ не торжество его личное, а побѣда дѣла, которому онъ служитъ». Побѣда христіанства требовала отъ служителей его не только мученія и смерти, но часто и въ еще большей степени жизни и творчества. Спаситель, идя на Голгофу, не позволилъ прежде времени идти за собой тому, кому онъ вручилъ «ключи отъ Царствія Небеснаго». Чудесная исторія ап. Пе-

тра лучше всего открываетъ религіозный смыслъ *подвига жизни*, ради котораго надо порой отказаться отъ подвижничества въ смерти. Среди своихъ первыхъ учениковъ Иисусъ избралъ того, въ комъ сильно было земное начало жизни, его сдѣлалъ Онъ Скалой, на Которой построилъ Церковь Свою.

«Съ того времени началъ Иисусъ открывать ученикамъ Своимъ, что Ему должно идти въ Іерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ и быть убиту и въ третій день воскреснуть. И, отозвавъ Его, Петръ началъ прекословить Ему: будь милостивъ къ Себѣ, Господи! Да не будетъ этого съ Тобой!» Онъ же, обратившись, сказалъ Петру: «отойди отъ Меня Сатана! Ты мнѣ — соблазнъ, потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое». (Отъ Мат. гл. XVI, 21-23).

И однако Петру поручаетъ Онъ пасти овецъ Своихъ, ему довѣряетъ «ключи отъ Царствія Небеснаго», ибо для того чтобы пасти стадо человѣческое, для того, чтобы руководить людьми, хотя бы и во имя дѣла Божьяго, нужно думать *о человѣческомъ*, нужно знать людей, понимать ихъ слабости.

Каждый вѣрующій, читая въ Евангеліи объ отреченіи Петра въ домѣ первосвященника, невольно испытываетъ чувство глубокой печали. Какъ, этотъ Камень, на комъ создается Церковь, оказался такимъ нетвердымъ, не выдержалъ перваго испытанія? Какъ ни толковать это отреченіе, о которомъ столько писали и духовные и свѣтскіе писатели, и богословы, и поэты — несомнѣнно одно: оно было необходимо. Ап. Петръ несъ на своихъ плечахъ будущую Церковь. Могъ ли онъ, губя себя, губить дѣло, довѣренное ему учителемъ. Онъ долженъ былъ спасать себя. Что *этого* благоразумія требовалъ отъ него Христосъ, видно не только изъ словъ Иисуса, сказанныхъ Петру, что онъ еще не можетъ идти за нимъ, но также изъ дальнѣйшей судьбы св. Петра, рассказанной въ «Дѣянїяхъ Апостоловъ». Когда Иродъ заключилъ Петра въ темницу и Петръ спалъ между двумя воинами, снованный двумя цѣпями «Ангель Господень предсталъ и свѣтъ осіялъ темницу. Ангель, толкнувъ Петра въ бокъ, пробудилъ его и сказалъ: «Встань скорѣе. И цѣпи упали съ рукъ его. И сказалъ ему Ангель: Опоаясь и обуйся». Онъ сдѣлалъ такъ. Потомъ говоритъ ему: «Надѣнь одежду твою и иди за мной». Петръ вышелъ и слѣдовалъ за нимъ, не зная, что дѣлаемое ангеломъ было дѣй-

ствительнымъ и думая, что видитъ видѣніе. Прошедши первую и вторую стражу, они пришли къ желѣзнымъ воротамъ, ведущимъ въ городъ, которые сами собою открылись имъ; они вышли и прошли одну улицу и вдругъ ангела не стало съ нимъ. Тогда Петръ, пришелъ въ себя, сказалъ: теперь вижу во истину, что Господь послалъ ангела своего и избавилъ меня изъ руки Ирода». (Дѣянія Апостоловъ, гл. XII, 7-11).

Паль отъ руки Ирода Іаковъ, братъ Іоанна, принялъ мученическую смерть св. Стефанъ, побитый камнями, но глава Апостоловъ ушелъ изъ темницы и скрылся изъ Іерусалима. Только совершивъ свое дѣло Апостолъ могъ принять мученическую смерть въ Римѣ. Легенда, которой нѣтъ въ Священномъ Писаніи и въ которую каждый можетъ вѣрить или не вѣрить, гласитъ, что и тутъ св. Петръ колебался: Уступая просьбамъ учениковъ и друзей, онъ уже уходилъ изъ Рима отъ преслѣдователей, когда встрѣтилъ на пути Христа, который на вопросъ «Камо грядеши, Господи», отвѣтилъ: «Иду въ Римъ, чтобы быть вторично распятымъ». И тогда гласитъ легенда, св. Петръ понялъ, что настало время для принятія мученическаго вѣнца. Легенда эта очень характерна для того образа, въ какомъ сохранился въ памяти вѣрующихъ св. Петръ. Мученическій вѣнецъ былъ для Петра вѣнцемъ, вѣнчающимъ его жизнь, но жизнь его заключалась не въ мученичествѣ, а въ творческомъ дѣлѣ. Этотъ практическій, творческій духъ и жилъ въ преемникахъ Петра — римскихъ первосвященникахъ. Римская Церковь сильна не мученичествомъ, хотя Она насчитываетъ среди своихъ членовъ много святыхъ мучениковъ. Не въ терновомъ вѣнцѣ строили папы церковь на Скалѣ Петровой, поражая міръ своею энергіей и несокрушимой волей.

Преемники Петра, въ которыхъ воплотился его духъ, умѣли строить на землѣ, для дѣла небеснаго находить земныя основы. Этотъ практическій земной геній, присутій Западной Церкви, былъ источникомъ постоянныхъ нападокъ и укоровъ по адресу ея. Достоевскій въ пламенной ненависти къ католичеству дошелъ до утвержденія, что Папы Римскіе «за землю продали Христа», даже такой вѣрующій католикъ, какъ Мицкевичъ, находилъ, что Римская Церковь слишкомъ держится земли. «Вы — писалъ онъ — которые призваны спасать и возвышать землю, вы сами отъ земли ждете спасенія и возвышенія». Папы — люди и нѣкоторые изъ нихъ, несомнѣнно, слишкомъ погрязли въ земныхъ дѣлахъ. Но

развѣ не очевидно, съ другой стороны, что благодаря именно этому генію земного строительства Римская Церковь умѣла всегда сохранить свою независимость отъ земныхъ властей, тогда какъ, лишенная этого земного духа Церковь Восточная, постоянно находилась въ рабскомъ подчиненіи у земныхъ владыкъ.

И развѣ не очевидно, что несмотря на ошибки и даже преступленія нѣкоторыхъ папъ, въ общемъ и въ цѣломъ строительствомъ Римской Церкви руководилъ Самъ Христосъ, какъ руководилъ и шагами Петра? «Ты — Камень, и на этомъ камнѣ созижду Церковь» Христосъ не сказалъ «созиждется Церковь» или «вы созиждете Церковь», но сказалъ «Я созижду».

Вѣдь этой чудесной двухтысячелѣтней исторіи Римской церкви, побѣдно выходившей изъ всѣхъ испытаній, крушеній и бурь, нельзя объяснить ни человѣческимъ геніемъ, ни счастливой случайностью. Всѣ престолы рушились, одинъ престолъ преемниковъ Петра стоитъ несокрушимо. О Скалу Петрову разбились всѣ историческія волны. И теперь, когда христіанство ждетъ рѣшительный бой съ врагами его, не ясно ли, что не спасетъ одинъ мученическій вѣнецъ Православной Церкви, что здѣсь нуженъ и римскій организующій геній?

Какая Церковь ближе къ Вселенской? Въ глазахъ православнаго — Православная. Въ глазахъ католика — Римская Церковь и есть Вселенская.

Но развѣ не должно быть яснымъ для каждого христіанина, что для торжества Вселенской Церкви нужно преодолѣть раздѣленіе Церквей? Я не буду входить въ разборъ богословскихъ споровъ, связанныхъ съ вопросами о воссоединеніи Церквей. Мнѣ думается, что для того, чтобы дѣйствительно наступило соединеніе церквей недостаточно богословскихъ споровъ и переговоровъ іерарховъ; надо чтобы массы вѣрующихъ и той и другой Церкви проникнулись желаніемъ и сознаніемъ необходимости этого единенія. Вѣрующіе, по прекрасному слову Ап. Петра — это живые камни строящагося зданія Церкви. Пусть же камни вопіютъ о томъ, чтобы скорѣе пришелъ тотъ день, когда Царство Христа на землѣ не будетъ Царство раздѣленное, когда колокола и Западной и Русской Церквей возвѣстятъ всему міру, что великое и радостное Единеніе совершилось. И слышавшій скажетъ: «Прииди» (Откровеніе Іоанна, гл. 21, 17).

Католикъ.